

DOI: 10.26794/2220-6469-2025-19-2-114-125
 УДК 330.8(045)
 JEL B15

Собственность, стань в строй! (о Нобелевской премии по экономическим наукам 2024 года)

Ю.П. Воронов

Институт экономики и организации промышленного производства, Сибирское отделение Российской академии наук,
 Новосибирск, Российская Федерация

АННОТАЦИЯ

В статье описаны проблемы, поднятые в трудах лауреатов Нобелевской премии по экономике 2024 г. Автор сосредоточился преимущественно на месте категории «собственность» и из всех результатов исследований лауреатов выделяет изучение ими причин исключительного института прав собственности в экономической теории. Показано, что это связано с мифом о «невидимой руке рынка», появившимся уже после Адама Смита на основании неверной интерпретации его трудов. В работе также обсуждается постепенный отход от открытости личности собственника, что заставляет по-новому воспринимать как саму категорию собственности, так и связи собственников со структурами власти. Основываясь на результатах лауреатов, автор доказывает, что защита собственности представляет собой самостоятельный социально-экономический институт. В заключение рассматриваются два частных права собственности: на средства производства и научно-технические инновации, которые тесно связаны с другими общественными институтами и не могут существовать сами по себе.

Ключевые слова: Нобелевская премия по экономике; точность терминов; собственность; экономические институты; политические институты; интеллектуальная собственность; научно-технический прогресс; средства производства; защита собственности

Для цитирования: Воронов Ю.П. Собственность, стань в строй! (о Нобелевской премии по экономическим наукам 2024 года). *Мир новой экономики*. 2025;19(2):114-125. DOI: 10.26794/2220-6469-2025-19-2-114-125

ORIGINAL PAPER

Property, Get in Line! (On the 2024 Nobel Prize in Economic Sciences)

Yu.P. Voronov

Institute of Economics and Industrial Engineering, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
 Novosibirsk, Russian Federation

ABSTRACT

The article examines the problems raised in the works of the 2024 Nobel Laureates in Economic Sciences. The author focuses primarily on the role of the category of “property,” highlighting the laureates’ investigation into the exceptional status of property rights within economic theory. It is shown that this status is rooted in the myth of the “invisible hand of the market,” which emerged after Adam Smith and was based on a misinterpretation of his writings. The article also discusses the gradual erosion of transparency around property ownership, prompting a reassessment of both the concept of property and the relationship between property owners and political power structures. Drawing on the laureates’ findings, the author argues that the protection of property constitutes an independent socio-economic institution. The article concludes by examining two specific forms of property rights – those concerning the means of production and scientific-technological innovations – demonstrating their close ties to other social institutions and their inability to exist in isolation.

Keywords: Nobel Prize in Economic Sciences; terminological precision; property; economic institutions; political institutions; intellectual property; scientific and technological progress; means of production; property protection

For citation: Voronov Yu.P. Property, get in line! (on the 2024 Nobel prize in economic sciences). *The World of the New Economy*. 2025;19(2):114-125. DOI: 10.26794/2220-6469-2025-19-2-114-125

© Воронов Ю.П., 2025

ВВЕДЕНИЕ

Нобелевскую премию по экономике в 2024 г. получили трое американских профессоров, хорошо известных экономистам России благодаря переводам их книг и статей на русский язык (что, скорее всего, исключение, чем правило).

Самый известный из троих — Дарон Аджемоглу — армянин, который родился в Турции, учился в Великобритании, а преподает в США. Элемент экзотики в этом есть, но незначительный, если учесть, насколько труды ученого вписались в традиции экономической науки, представленной профессорами университетов США.

Второй лауреат — профессор Чикагского университета Джеймс Алан Робинсон — родился в Великобритании, окончил Манчестерский университет, после чего переехал в Австралию, а оттуда — в США. Преподавал сначала в Университете Южной Калифорнии (Лос-Анджелес), затем в Калифорнийском (Беркли) и в Гарвардском университетах. С 2015 г. по настоящее время — профессор Школы публичной политики имени Харриса Чикагского университета.

Третий лауреат — профессор Массачусетского технологического института Саймон Джонсон — также родился в Великобритании, где и получил высшее образование.

Таким образом, все трое — иммигранты, родившиеся за пределами США и, вместе с тем, как мы увидим далее, органично вписавшиеся в американскую экономическую науку.

В меморандуме Нобелевского комитета уточняется, что ученые «нашли новое понимание, почему страны мира значительно различаются по уровню благосостояния. Одно из самых важных объяснений — очень разные общественные институты».

Столь общая формулировка говорит о том, что для каждой страны какие-то сферы жизнедеятельности более важны, а другие — малозначимы. Сами авторы и большинство комментаторов, естественно, обращают особое внимание на то, что важно для США.

В этих обсуждениях обычно используются различные трактовки понятия «социальный институт»: «преобладающие или господствующие типы отношений», «принятая в настоящее время система общественной жизни», «закрепленные обычаем способы регулирования жизненных процессов общества по отношению к материальной среде, в которой оно живет» [1].

Будем придерживаться тех же определений, но подчеркнем то, что особо значимо для российской экономики и мировоззрения российских граждан.

Лауреаты не выделяют ни один из институтов как доминирующий: в определенный период истории и в конкретной ситуации — это один институт, в других — совершенно иной. Для России результат их исследований оказывается особо интересным — возникают вопросы: вы хотите сказать, что антагонизм социализма и капитализма, который в памяти у каждого советского человека, — это лишь часть различий в институтах, одна из многих?! А как же Социалистическая революция, советское прошлое, десятилетия холодной войны?! разве все эти события XX в. не происходили из-за различий в формах собственности? И тут мы переходим к анализу отказа от исключительного значения права собственности.

Права собственности, которые считаются определяющими для марксизма и современного российского самосознания, а также любые отличия одной экономики от другой, согласно мнению лауреатов, не могут рассматриваться в отрыве от прочих институтов.

Такая позиция коренным образом отличается от устоявшейся не только в экономической науке, но и в сознании рядового человека, убежденного в том, что самое главное — право собственности.

Лауреаты предложили разделять институты на экстрактивные и инклюзивные. Благодаря существованию экстрактивных, ресурсы, используемые в экономике, достаются ограниченному кругу участников экономической деятельности или вообще «покидают» национальную экономику. Хорошим, примером, по мнению автора, может служить телевизионная реклама: она отнимает время у миллионов зрителей ради выгоды ограниченного числа компаний.

Этому экстрактивному институту может быть противопоставлен инклюзивный: уроки иностранных языков по телевидению, весьма распространенные во многих странах. Такая практика, напротив, способствует тому, чтобы знания ограниченного круга лиц распределялись среди участников экономического процесса.

Уже на этом примере видно, что категория собственности в современной экономике отодвинута на задний план. Телевизор принадлежит телезрителю, а показывает то, что ему не нужно. Рекламное агентство использует систему телевидения (которая ему не принадлежит) для оказания услуг рекламодателю, не имеющему никаких прав собственности ни на отдельно взятый телевизор, ни на систему телетрансляции в целом. Это самая наглядная иллюстрация полного игнорирования прав собственности.

ПРИЧИНЫ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНОГО ПОЛОЖЕНИЯ ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

Можно сказать, что причина преувеличения роли собственности кроется в особенностях научного метода, использовавшегося долгие годы: речь идет о статике и результате, достигнутом благодаря предыдущей деятельности. В работе лауреатов они заменены на динамику и распределенные по времени последствия текущей деятельности.

При таком подходе категории, которые казались наиболее важными в статике, уходят на задний план, а основными становятся те, что ранее представлялись второстепенными.

Для начала остановимся на понятии «сделка». С позиции статики, сделка либо не совершена, либо совершена. В промежутке между этими двумя состояниями нет ничего — только миг, когда не было никаких событий.

Реальность находится в постоянном движении, тогда как экономическая теория продолжает «показывать слайды». Вот ВВП страны увеличился за год на 5%. А что происходило в этом году: был ли он урожайным, падали ли цены на газ или наоборот, много ли выпускников школ пошли работать на заводы? Все это оказывается внутри «слайда» о годовом приросте ВВП и не учитывается в экономическом анализе.

Вместе с тем до сих пор нет жесткого разделения экономических теорий на те, что используют статическую картину, и те, что рассматривают экономику преимущественно в динамике [2].

Собственность — категория статического подхода, она — то, что есть сейчас. В динамике требуется рассматривать другое: институты ее сохранения, увеличения, вероятность утраты и т.д. Поэтому защита собственности — понятие, относящееся к процессу и динамике — находится в ином контексте, чем собственность, фиксируемая на каждый момент.

Гражданский кодекс РФ¹ определяет собственность как совокупность норм и делит ее на три права: владения, распоряжения и пользования. Защита собственности касается всех трех и состоит в том, чтобы подтверждать или отрицать возможность их совместной или раздельной реализации. В этом плане она также относится к статике как некоторый набор одномоментных действий.

ЛАУРЕАТЫ ПРОДОЛЖАЮТ ПУТЬ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ ОТ СТАТИКИ К ДИНАМИКЕ

Теоретическое направление экономической науки, развиваемое лауреатами, зародилось в 1937 г., когда профессор Лондонской школы экономики Рональд Коуз в своей книге объяснил причины появления фирм [3]. Нобелевскую премию по экономике за это он получил только спустя 54 года, в 1991 г. В наиболее простом изложении идея Р. Коуза состоит в том, что внутри фирмы процессы взаимодействия идут сами собой, без особых договоренностей и заключения сделок.

Сначала (даже в год присуждения ученому Нобелевской премии) внимание исследователей было привлечено именно к обоснованию существования фирм и только в последние годы их стали интересоваться транзакционные издержки как особенность института собственности.

Оказалось, что обладатель собственности имеет ограниченные права, которые отягощены обязанностями. Кроме необходимости платить налоги, он вынужден нести транзакционные издержки при любом ее использовании.

Эта тема хорошо изложена в книге Л. Аджемоглу и Дж. Робинсона «Почему одни страны бедные, а другие богатые» [4]. Авторы принципиально уходят от категории «сделка» (где время отсутствует), предпочитая ей более широкую — «транзакция» (которая совершается в течение некоторого времени, когда происходят какие-то события).

В истории нобелевских премий по экономике был относящийся к этой теме значимый эпизод: в 2016 г. профессор Гарвардского университета Оливер Харт (из Великобритании) и Бенгт Холмстрем, профессор Массачусетского технологического института (швед из Финляндии) получили награду за вклад в теорию контрактов. После этого появилось множество исследований и публикаций, в которых противопоставлялись сделки и контракты. К сожалению, тогда не сформировалась система новых категорий экономической теории, и ученые до сих пор используют в одном контексте термины, одни из которых относятся к описанию статики, а другие — динамики. Например, годовой прирост ВВП может трактоваться как показатель динамики или как некоторый результат сравнения двух мгновенных (статических) состояний — в начале и в конце года.

Лауреаты ввели в научный оборот значительное число категорий, относящихся к динамике, в том

¹ URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/

числе — «институт», поскольку его неотъемлемое значение — «сложившаяся практика».

С этого момента экономическая теория стала стремиться к более адекватному отражению экономической реальности [5]. И в первую очередь это относится к новому пониманию рыночной экономики.

ИСЧЕЗНУВШАЯ «НЕВИДИМАЯ РУКА РЫНКА»

Само появление институциональной школы экономической теории объясняется тем, что нерегулируемый рынок не только способствует экономическому развитию, но и приводит к множеству нежелательных последствий.

Лауреаты полагают, что несправедливые привилегии для ограниченного круга экономических агентов и неравенство в доходах порождают именно неэффективное функционирование рыночных институтов [6], а вмешательство в их действия никогда не приводило к хорошим результатам. Ни одно общество, отмечают они, не достигло общего процветания, просто перераспределяя доходы от богатых к бедным. Впрочем, в России эта истина до сих пор подвергается сомнению.

В равной степени в нашей стране продолжает существовать миф о «невидимой руке рынка». Авторство данного термина незаслуженно приписывается Адаму Смиту, хотя он употребляет его всего два раза, приводя примеры, когда землевладелец отказывается от того, чтобы владеть всей землей и распределяет ее среди хозяев, и когда промышленник строит фабрику в Англии с тем, чтобы жить среди людей, имеющих возможность заработать, хотя мог бы построить ее в Индии, где зарплата ниже [7].

По представлениям Адама Смита, любой предприниматель «имеет в виду лишь свой собственный интерес и, осуществляя производство таким образом, чтобы его продукт обладал максимальной стоимостью, преследует лишь собственную выгоду, причем, в этом случае, как и во многих других, он невидимой рукой направляется к цели, которая совсем и не входила в его намерения; при этом общество не всегда страдает от того, что эта цель не входила в его намерения» [8].

В данном случае имелась в виду «невидимая рука бога» (а вовсе не рынка), которая, скорее всего, сдерживала рыночника, корректировала его поведение и совсем не освобождала от каких-либо моральных принципов и убеждений.

Из этого, опять же, следует, что собственность не может быть вычленена из общей системы социальных институтов, поскольку все они так или иначе связаны с принятыми в обществе морально-этическими принципами.

Ни рынок, ни собственность не могли бы существовать, если бы действия экономических агентов были безупречными с морально-этической точки зрения. Это не означает, что отклонения не допускаются, но они никогда не считались и вряд ли будут считаться нормой или общепринятой практикой.

ЗАЩИТА СОБСТВЕННОСТИ КАК САМОСТОЯТЕЛЬНЫЙ СОЦИАЛЬНЫЙ ИНСТИТУТ

Со времен Древнего Рима защита собственности относится к судебным процедурам. В России юридические нормы, касающиеся прав собственности, максимально (по сравнению с другими странами) приближены к нормам римского права.

В частности, согласно статье 301 Гражданского кодекса РФ² основным способом возврата своего имущества из чужого незаконного владения является судебный иск. То есть, как и в Древнем Риме, последнее слово — за судом. Таким образом, защита собственности издавна невозможна без множества социальных институтов, сформировавшихся вокруг судебной системы: адвокатов, присяжных, апелляций и пр.

В российском законодательстве отдельно предусмотрена защита прав владения, когда собственность не оформлена на хозяина юридически. Например, по закону, арендатор имеет право на защиту владения даже против воли собственника — это еще один пример того, что право собственности как таковое не может существовать вне системы социальных институтов.

«Защищенные права частной собственности являются центральным элементом потому, что только те, чьи права собственности защищены, будут готовы инвестировать и повышать производительность труда» [4, с. 105].

Таким образом, собственность не может выделяться из системы других институтов по той причине, что для ее нормального функционирования необходим другой институт — механизм защиты.

Длительное время бытовало мнение, что институты защиты касаются только частной собственности (индивидуальной или семейной). Но благодаря Нобелевскому лауреату 2009 г. Элинор Остром (1933–2012) мы

² URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/

теперь знаем, что и общая собственность всегда имела институт защиты, который был довольно сложным [9].

Сама по себе частная собственность — экстративный институт, тогда как ее защита — институт инклюзивный, поскольку именно он стимулирует каждого увеличивать принадлежащую ему собственность, убеждая, что она будет защищена.

Включенность собственности в систему институтов защиты уже лишает ее исключительности и однородности — юридически защищенная, она принципиально отличается от той, обладание которой связано с высоким риском потери права на нее. Это еще одно свидетельство того, что нет единой категории «собственность»: она формируется путем искусственного объединения многих понятий и институтов, тем более, что ее смысл и содержание изменялись в ходе истории.

В исследованиях ученых о причинах падения Римской империи основное внимание уделяется военному аспекту: битвам, победам и поражениям. Но не меньшую роль сыграло то, что у варваров была более последовательная система институтов защиты собственности. В частности, в древнеримской юридической практике вполне можно было оспорить права добропорядочного приобретателя собственности, если имелись факты ее незаконного приобретения кем-то из предшественников. Данное обстоятельство предоставляло возможность для разного рода интриг.

По мнению многих специалистов, существенное значение для разрушения Римской империи имели также события вокруг права собственности, если рассматривать его в системе социальных институтов, а не в отрыве от них [10].

Собственность в Древнем Риме делилась на несколько видов: в частности, на квинтскую, принадлежащую гражданам Рима и иностранцам, получившим право торговли на его территории, и перегринскую, принадлежащую негражданам, которая была менее защищенной [11]. Таким образом, собственность изначально не являлась единым институтом, а была представлена совокупностью разных прав для различных категорий населения.

Несколько похожая дифференциация прав сохранилась до нашего времени. Так, в современной России более 90% банковской прибыли получают всего в двух городах: Москве и Санкт-Петербурге. Это означает, что бизнес в них имеет более широкие возможности доступа к финансовым ресурсам, чем в других. Поэтому коммерческая собственность в этих двух центрах существенным образом отличается от аналогичной в других местах.

Новоиспеченные лауреаты позволяют взглянуть на проблему дифференцированной собственности по-новому. Они отталкиваются от трудов лауреата Нобелевской премии по экономике 1993 г. Дугласа Норта (1920–2015) и вводят две категории имущественных прав: права собственности и контрактные права [12]. Они взаимно пересекаются, но отличаются тем, что в случае неадекватного (оппортунистического) поведения одной из сторон контрактные права восстанавливаются в частном порядке, а при нарушении прав собственности приходится использовать политические институты [13].

Таким образом, чем больше ограничений в стране накладывается на действия элит и политическую деятельность в целом, тем сильнее защищены в ней права собственности. А там, где низкая вероятность экспроприации собственности, выше темпы экономического роста и доля инвестиций, а также активнее работает фондовый рынок.

Одновременно в этих странах меньше развиты контрактные институты, ограничено их влияние на экономический рост и долю инвестиций [14].

ОГРАНИЧЕННАЯ РАЦИОНАЛЬНОСТЬ И СВЯЗАННЫЕ С НЕЙ ИНСТИТУТЫ

В экономической теории широко используется категория «ограниченная рациональность», предложенная Гербертом Саймоном, лауреатом Нобелевской премии по экономике 1978 г. Ее суть состоит в том, что человек (экономический агент) принимает решения в условиях дефицита времени и ресурсов, неполной информации, неспособности проработать все возможные варианты и предвидеть их последствия. Поэтому, как правило, решения принимаются не оптимальные, а удовлетворительные [15]. А если так, то неминуемо появление институтов, расширяющих границы рациональности в принятии экономических решений. Что же это за институты?

Прежде всего должно быть налажено информационное обеспечение, и следовательно, — заработать институт доступа к информации. Права граждан в этом отношении очень разнятся по странам: в большинстве из них обязателен неограниченный доступ к нормативным и законодательным документам, так как незнание законов существенно сужает границы рациональности в принятии ответственных решений.

Но есть страны (к которым относится и Россия), где за подобное взимают плату. Точно так же, например, снимки из космоса (очень необходимые для

принятия рациональных решений в сфере аграрного бизнеса и многих других) у NASA бесплатные, а у Роскосмоса — нет. В результате значительная часть российских предпринимателей испытывают сложности, если их бизнес так или иначе связан с территорией, и нет желания тратить на информацию.

Это же касается справочных баз нормативных документов и т.п.

СОБСТВЕННОСТЬ НА СРЕДСТВА ПРОИЗВОДСТВА

Данное понятие почти весь XX в. было главным отличием двух социально-экономических систем. Если в экономике преобладает частная собственность на средства производства, то это — капиталистическая система, если государственная — социалистическая.

Однако, чтобы средства производства приносили прибыль, нужны еще и работники, которые приведут их в действие. До выхода работ нынешних лауреатов труд воспринимался (а большинством воспринимается и сейчас) как часть средств производства. Работник в экономической теории был лишен права самостоятельных действий, точно так же, как станок или автоматическая линия. Особенно «продвинулся» в этом направлении марксизм, согласно которому работник выносит на рынок труда свой товар — рабочую силу, т.е. способность выполнять некоторую работу. Одно связано с другим: если рабочая сила — это один из многих товаров, существующих на рынке, то определяющим является его цена, связанная с качеством.

Совсем по-иному выглядит та же ситуация, если ввести в теорию понятие «институт трудоустройства». Дарон Аджемоглу, рассматривая устройство на работу как один из социально-экономических институтов, предлагает включить в анализ понятие «хорошие рабочие места» — такие, которые характеризуются не только уровнем заработной платы, достойной среднего класса, но и привлекают претендентов условиями труда, стабильностью и гарантией невмешательства в их труд работодателя.

Успешное развитие экономики страны связано с достаточным наличием «хороших рабочих мест» [16], а при их нехватке формируется неравенство.

Рынок, по мнению Д. Аджемоглу, всегда ведет к дефициту «хороших рабочих мест», поскольку для этого, как правило, от компаний требуется больше значимых инвестиций и текущих затрат. Работодатель старается компенсировать непри-

влекательность рабочего места более высокой заработной платой, — зачастую это обходится дешевле.

«Хорошее рабочее место» приносит выгоды работнику, которые безразличны работодателю, заинтересованному в низкой оплате труда подчиненных и меньших первоначальных затратах. Этому противодействуют институты рынка труда, поддерживаемые научно-техническим прогрессом, благодаря которому возрастает доля «хороших рабочих мест».

Рынок в данном случае тормозит этот процесс — он не способен обеспечить ни уровень, ни направление научно-технических инноваций, а следовательно, и увеличение числа «хороших рабочих мест». Это еще один признак отсутствия «невидимой руки рынка», о которой говорилось выше.

Одновременно возникает еще один аспект: право собственности на средства производства ограничено необходимостью согласовывать ее использование с теми, кто не имеет к ней прямого отношения. Собственник выходит на рынок труда как продавец свободных рабочих мест, а будут ли они пользоваться спросом, от него не зависит. Он может лишь заранее побеспокоиться о том, чтобы они были высокого качества (условия труда, оплата, режим работы).

В целом в деятельности многих предпринимателей краткосрочный аспект преобладает над долгосрочным, а мотив личного обогащения доминирует над целями развития производства [17].

ТАЙНЫЕ СОБСТВЕННИКИ И ВЛАСТЬ

В интервью российской журналистке один из лауреатов Нобелевской премии 2024 г., Джеймс Робинсон, в частности, сказал: «Согласно нашей теории, как только политические институты становятся менее инклюзивными, с экономическими, как правило, происходит то же самое. И, конечно, мы видим это сейчас: например, растущая роль монополий, чему есть множество свидетельств. Знаете, когда миллиардеры с их совершенно безумными представлениями об экономике и о том, как все должно быть устроено, имеют огромное влияние на государственные власти, это скажется и на экономических институтах»³.

Во взаимосвязи политических институтов с экономическими кроется причина того, что собствен-

³ URL: <https://econs.online/articles/video/instituty-pod-ugrozoy-kak-rastushchee-neravenstvo-mozhet-izmenit-mir/>

ность, особенно крупная, становится анонимной. Частная собственность основное время своего существования базировалась на открытости, а в настоящее время довольно сложно определить владельцев большинства крупных капиталов мира. Может оказаться, что одно юридическое лицо обладает контрольным пакетом акций другого юридического лица, у которого есть дочерняя компания с другими собственниками, и среди них — собственники первого юридического лица и т.д.

Причина сокрытия реальных данных во многом состоит в том, что крупная собственность очень часто связана с властными структурами. Размытость и закрытость идентификации субъектов собственности тем выше, чем больше распространена коррупция. В особенности этот процесс заметен в странах, где переход к рыночной экономике произошёл относительно недавно.

Но и более мелкая собственность хорошо защищена только в том случае, если власти относятся к ее хозяину благосклонно. Приведем пример из отечественной практики. Статьями 235 и 239 Гражданского кодекса РФ⁴ и статьей 32 Жилищного кодекса РФ⁵ предусмотрена возможность изъятия земельного участка под жилым помещением для государственных или муниципальных нужд, если это необходимо государству. Собственник при этом имеет право на компенсацию, однако законодательно не установлены ни ее размер, ни степень крайней необходимости удовлетворения государственных или муниципальных нужд — это определяют лица, принимающие решения по каждому конкретному случаю.

Не только публичная открытость владельца делает собственность полностью легитимной — в противном случае сохраняются допущения, что она реально принадлежит кому-то другому. Наиболее распространенный способ сокрытия владельца — цепочка прав, когда собственником бизнеса является некоторое юридическое лицо, которым фактически владеет другое юридическое лицо и т.д., пока в конце не появляется реальный собственник.

Параллельно с указанной тенденцией существуют еще три связанных с этим процесса: усиливается государственный контроль над теми, кто не приближен к власти, усложняются механизмы этого контроля, и по-иному, чем ранее, воспринимается право собственности самими собственниками [18].

ПРАВО ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

Изначально право на изобретение относилось не к собственности как таковой: в русском языке применялось понятие «привилегия», означавшее монопольное право на использование данной инновации. Аналогичные термины были и в других языках [19].

Направления научно-технического прогресса определяются (как показано лауреатами на многих примерах) не свободным рынком, а приоритетами крупных компаний, уже добившихся успеха в данной технологической области.

При этом русскому читателю результаты лауреатов, касающиеся технических инноваций и изобретений, будут сложны для понимания: в его сознании патентная система существует для того, чтобы защищать права изобретателя и тем самым способствовать техническому творчеству и прогрессу.

Но патенты никогда не были частью изобретательского права, а являлись защитой для тех, кто внедряет изобретения, обеспечивая им временную монополию не для поощрения, а для развития инновационного производства.

В период становления патентной системы в Европе автор никогда не обращался в государственные органы с просьбой признания монопольных прав на изобретение; не всегда сообщалось и его имя. В случае зарубежных (ввозных) изобретений автор оказывался вообще непричастным к патентованию.

Система патентного права, по мнению Р.И. Капелюшникова, является «явно эксклюзивным институтом» [20], но это замечание справедливо только в случае признания неоспоримыми двух утверждений: «собственность имеет исключительное значение» и «рынок все уладит». Но оба они крайне сомнительны.

Что же касается современной России, то все было бы проще, если бы миф о патентовании как о защите прав изобретателя существовал только в головах заблуждающихся. Но в Гражданском кодексе РФ⁶ в статье 1345 указано, что исключительное право (а также право на получение патента и вознаграждение) принадлежит автору изобретения, а не тому, кто его внедряет.

Таким образом, миф о защите прав изобретателя из массового индивидуального заблуждения

⁴ URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/

⁵ URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_51057/

⁶ URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/

превращается в главный тормоз научно-технического прогресса: дело в том, что у изобретателя нет возможностей (в первую очередь финансовых) для внедрения своего изобретения.

Тем более, что изобретение в данном случае — собственность физического лица (что фактически заимствовано из авторского права), и это делает перспективы его внедрения еще более туманными. Длительное время в мире существовали только две страны, где право на изобретение предоставлялось только физическому лицу: СССР и США. Но в 2012 г. США скорректировали свое законодательство, включив в него право владения патентами для юридических лиц. В России же все осталось по-прежнему [21].

Подоплека такого подхода состоит в недекларируемом тезисе о том, что изобретатель может превратить свое право на изобретение в деньги, заработав на его продаже для последующего использования. Но этому мешают, по крайней мере, два обстоятельства: 1) на патентование и поддержание патента также нужны деньги, а они не всегда находятся; 2) предприятие или организация, которые могли бы выступить инвестором, на практике чаще всего не готовы вкладываться в приобретение у автора прав на изобретение, еще не проверенное на практике и не известное на рынке [22].

В статистике Евросоюза по инновациям из пяти групп показателей только одна касается интеллектуальной собственности, четыре других — это «драйверы инноваций» (численность выпускников технических вузов, уровень образованности молодежи, степень информатизации и т.п.), «генерация знаний» (расходы государства и бизнеса на науку и инновации), «инновационное предпринимательство» (доля малых компаний, занятых инновациями, объемы венчурного финансирования и т.п.), а также «внедрение» (объемы продаж инновационной продукции и др.) [23].

Таким образом, даже согласно европейской статистике, собственность на изобретения и прочие виды научно-технических инноваций связана с другими социальными институтами, и сама по себе мало что значит.

Если передача права на изобретения тем, кто не в состоянии их внедрить, нанесет ущерб развитию российской экономики в будущем, то передача государственной собственности (земли и предприятий) людям, не способным ее эффективно использовать, стала ударом по российской

экономике, последствия которого ощущаются в настоящее время.

Представления об исключительной роли собственности — показательно ошибочные, и тех, кто руководствовался ими, активно участвуя в приватизации, ждало разочарование: оказывается, за то, чтобы обретенная собственность приносила доход, нужно было бороться, прилагать трудовые усилия, к которым новые хозяева оказались совершенно не готовы.

Рассуждая о том, почему в одних странах — застой, а в других налицо научно-технический прогресс, лауреаты приходят к выводу, что для последнего необходима защита прав собственности широких слоев населения, а также равные возможности в получении доходов от своего бизнеса и защищенных патентами инноваций [24].

Именно этот вывод вызвал наибольшую критику, в том числе и у российских экономистов, которые даже позабыли о том, что принципиальная позиция лауреатов — в признании категории «собственность» не базовой, а лишь одной из многих, определяющих (согласно теории) экономическое развитие.

Наиболее резко нынешних лауреатов осуждали в препринте НИУ «Высшая школа экономики» за пять лет до присуждения им Нобелевской премии [20]. Эпитеты «методологическая узость», «концептуальная противоречивость» и «историческая неадекватность» заставляют вспомнить годы непримиримой идеологической борьбы с буржуазными фальсификаторами.

Однако обратимся к существу результатов, полученных лауреатами в ходе исследований по истории экономики при использовании предложенных ими категорий «экстрактивных» и «инклюзивных» институтов.

Они полагают, что революция 1688 г. в Англии впервые в мире сформировала преобладание в стране инклюзивных политических институтов, которые стимулировали инвестиции, инновации и торговлю. Государство «твердо защищало права собственности. Четко определяя права собственности на все активы, правительство способствовало быстрому развитию инфраструктуры. Эти нововведения запустили маховик экономического развития, которое проложило дорогу к промышленной революции» [4, с. 143].

Промышленную революцию в Англии XVIII в. ученые объясняют следующим образом. Великие географические открытия и, как результат, — подъем

мировой торговли — привели к совершенно разным последствиям в Англии и трех других торговых государствах (Испании, Португалии и Франции). В Англии к мировой торговле был допущен частный бизнес, который поднимался внутри страны после «Славной революции» 1688 г. на протяжении более чем 70 лет.

По этой причине богатства, полученные от торговли и грабежа, доставались частному бизнесу, тогда как в трех странах-конкурентах они концентрировались у монархов и ограниченного круга лиц, близких к власти. В одном случае они включались в хозяйственный оборот, в другом — лежали мертвым грузом и не способствовали развитию национальной экономики.

«Поскольку многие из членов парламента занимались торговлей и производством, в их интересах было обеспечить соблюдение прав собственности» [4, с. 262]. Отмечаются и другие последствия такого расхождения: разбогатев, английские купцы и землевладельцы сумели сформировать широкую коалицию, которая успешно противостояла королю и в конце концов победила. В интерпретации лауреатов «инклюзивные экономические институты поддерживают соответствующие политические институты и сами же, в свою очередь, опираются на них» [4, с. 567].

Для элиты инновации увеличивают опасность потери доходов (ренты). В ответ на это ее представители, приближенные к государственной власти, начинают спланировать свои ряды [4, с. 568], провоцируя военные конфликты и войны, что способствует научно-техническому прогрессу, функции которого в гражданской сфере свернулись из-за преобладания экстрактивных институтов.

Сплочение может произойти и по-другому, например, при наличии общей идеологии, партийной принадлежности, родственных связей и пр. — лауреаты впервые выделяют все это [4, с. 183], что во многом объясняется их трактовкой государства как агента, представленного правящей элитой.

В своей последней книге Д. Аджемоглу и С. Джонсон распространили данную трактовку на движущие силы научно-технического прогресса [25]. Не отрицая тот факт, что он служит основным драйвером процветания в экономике, они показывают на конкретных примерах, что передовые технологии формируются в соответствии с тем, чего хотят (и во что верят) только влиятельные люди в бизнесе или во власти. И вовсе не научно-технический прогресс как таковой изменяет мир, а выбор этих людей,

принимающих решения относительно инноваций. В этом, по мнению авторов книги, «иллюзия прогресса».

Так, выдающиеся для Средневековья технологии строительства соборов внедрялись при массовом голоде крестьян, а современные цифровые решения развиваются, когда миллионы людей живут в нищете.

И в связи с этим права на интеллектуальную собственность имеют какое-то значение, только если они «пересекаются» с выбранным направлением НТП. Новые технологии должны были бы создавать рабочие места с лучшими условиями труда, а не порождать одновременно роботов и безработных. Но этого пока не происходит.

ВЫВОДЫ

Дарон Аджемоглу, Джеймс Алан Робинсон и Саймон Джонсон подняли проблемы, которые максимально важны для развития каждой национальной экономики и экономики мира в целом. Можно по-разному относиться к их объяснениям, почему одни страны богатые, а другие — бедные: дискуссия по этому поводу началась давно и будет продолжаться. Но, думается, что все согласны с тем, как важно осознание проблем, анализ которых они предпринимают в своих трудах.

Представленные ими доказательства того, что собственность не является исключительным социальным институтом, определяющим развитие экономики, заставляют по-новому взглянуть на историю нашей страны. В 1990-х гг. считалось, что появление частного собственника, заинтересованного в результатах хозяйственной деятельности, даст мощный толчок подъему экономики. Но оказалось, что этого недостаточно, и необходимо введение других институтов, связанных с правами собственности, подобных тем, что были предусмотрены в Кодексе Наполеона относительно сельскохозяйственной земли: если она не обрабатывается в течение четырех лет, собственник теряет на нее право. Подобным образом и приватизируемые предприятия должны были переходить в частную собственность с условием: не можешь развивать производство — теряешь на него право.

Но сделать это не позволяло принятое тогда представление о том, что главное — смена собственности.

Дарон Аджемоглу, Алан Робинсон и Саймон Джонсон своими трудами показали, что это неправильно. К сожалению, слишком поздно для экономики нашей Родины.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Веблен Т. Теория праздного класса. Пер. с англ. М.: Прогресс; 1984. 183 с.
2. Ерзнкян Б. Компоненты институциональной динамики и ее характеристики. *Проблемы теории и практики управления*. 2016;(6):72–79.
3. Coase R.H. The nature of the firm. *Economica*. 1937;4(16):386–405. DOI: 10.1111/j.1468–0335.1937.tb00002.x
4. Аджемоглу Д., Робинсон Дж. Почему одни страны богатые, а другие бедные: происхождение власти, процветания и нищеты. Пер. с англ. М.: АСТ; 2016. 692 с.
5. Coase R. The new institutional economics. *Zeitschrift für die gesamte Staatswissenschaft / Journal of Institutional and Theoretical Economics*. 1984;140(1):229–231.
6. Acemoglu D., Robinson J.A. Why nations fail: The origins of power, prosperity, and poverty. New York, NY: Crown Business; 2013. 544 p.
7. Воронов Ю.П. Нобелевские лауреаты по экономике. В 2-х т. Т. 1: XX век (1969–2000). М.: Инфра-М; 2022. 716 с.
8. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. Пер. с англ. М.: Эксмо; 2016. 1056 с.
9. Остром Э. Управляя общим. Эволюция институтов коллективной деятельности. Пер. с англ. М.: Мысль; 2011. 448 с.
10. Зайков А.В. Конструкция собственности в римском праве и проблема расщепления собственности. *Вестник Гуманитарного университета. Серия: Право*. 2000;(1):33–42.
11. Парыгин С.Н. Развитие гражданско-правового института защиты права собственности. *Вестник Омского университета. Серия: Право*. 2014;(1):87–91.
12. Acemoglu D., Johnson S.H. Unbundling institutions. *Journal of Political Economy*. 2005;113(5):949–995. URL: https://www.ioea.eu/pdf/textes_2007/Acemoglu_Johnson_2005.pdf
13. Acemoglu D. Why not a political Coase theorem? Social conflict, commitment, and politics. *Journal of Comparative Economics*. 2003;31(4):620–652. DOI: 10.1016/j.jce.2003.09.003
14. Can R. Book review: Why nations fail by Daron Acemoglu and James A. Robinson. *Central Bank Review*. 2013;13(1):83–88. URL: https://www.researchgate.net/publication/34111131_WHY_NATIONS_FAIL_BY_DARON_ACEMOGLU_AND_JAMES_A_ROBINSON
15. Саймон Г.А. Рациональность как процесс и продукт мышления. Пер. с англ. *THESIS*. 1993;(3):16–38. URL: https://igiti.hse.ru/data/003/314/1234/3_1_2Simon.pdf
16. Acemoglu D. It's good jobs, stupid. Economists for Inclusive Prosperity. June 2019. URL: <https://econfp.org/wp-content/uploads/2019/06/Its-Good-Jobs-Stupid.pdf>
17. Нуреев Р.М. Власть-собственность в современной России. Актуальные вопросы и тенденции экономической науки. Мат. 2-го немецко-русского семинара (Франкфурт-на-Одере, 2010). URL: <http://rustem-nureev.ru/wp-content/uploads/2011/01/233.pdf>
18. Вольчик В.В. Поведенческая экономика и современные тенденции эволюции института собственности. *Terra Economicus*. 2010;8(2):71–78.
19. Mokyr J. Intellectual property rights, the Industrial Revolution, and the beginnings of modern economic growth. *American Economic Review*. 2009;99(2):349–355. DOI: 10.1257/aer.99.2.349
20. Капелюшников Р.И. Contra панинституционализм. Препринт WP3/2019/03. М.: Изд. дом ВШЭ; 2019. 84 с. URL: https://wp.hse.ru/data/2019/04/22/1178838994/WP3_2019_03____.pdf
21. Шумянкова Н.В. Институциональные формы процессов вовлечения в хозяйственный оборот результатов научно-технической деятельности. *Инновации*. 2011;(7):77–81.
22. Комков Н.И., Иващенко Н.П. Институциональные проблемы освоения инноваций. *Проблемы прогнозирования*. 2009;(5):21–34.
23. Валиева О.В. Институциональная среда инноваций: теоретические и прикладные аспекты. *Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Социально-экономические науки*. 2007;7(2):134–143.
24. Collier P. Why nations fail by Daron Acemoglu and James Robinson — review. *The Guardian*. 2012. URL: <https://www.theguardian.com/books/2012/mar/11/why-nations-fail-acemoglu-robinson-review>
25. Acemoglu D., Johnson S. Power and progress: Our thousand-year struggle over technology and prosperity. New York, NY: PublicAffairs; 2023. 560 p.

REFERENCES

1. Veblen T. The theory of the leisure class: An economic study of institutions. London: Macmillan Co.; 1912. 256 p. (Russ. ed.: Veblen T. Teoriya prazdnogo klassa. Moscow: Progress; 1984. 183 p.).
2. Yerznkyan B. Components of institutional dynamics and its characteristics. *Problemy teorii i praktiki upravleniya = Theoretical and Practical Aspects of Management* t. 2016;(6):72–79. (In Russ.).
3. Coase R.H. The nature of the firm. *Economica*. 1937;4(16):386–405. DOI: 10.1111/j.1468–0335.1937.tb00002.x
4. Acemoglu D., Robinson J.A. Why nations fail: The origins of power, prosperity, and poverty. New York, NY: Crown Business; 2013. 544 p. (Russ. ed.: Acemoglu D., Robinson J. Pochemu odni strany bogatye, a drugie bednye: proiskhozhdenie vlasti, protsvetaniya i nishchety. Moscow: AST; 2016. 692 p.).
5. Coase R. The new institutional economics. *Zeitschrift für die gesamte Staatswissenschaft / Journal of Institutional and Theoretical Economics*. 1984;140(1):229–231.
6. Acemoglu D., Robinson J.A. Why nations fail: The origins of power, prosperity, and poverty. New York, NY: Crown Business; 2013. 544 p.
7. Voronov Yu.P. Nobel laureates in economics. In 2 vols. Vol. 1: 20th century (1969–2000). Moscow: Infra-M; 2022. 716 p. (In Russ.).
8. Smith A. An inquiry into the nature and causes of the wealth of nations. London: Methuen & Co., Ltd.; 1904. 1152 p. (Russ. ed.: Smith A. Issledovanie o prirode i prichinakh bogatstva narodov. Moscow: Eksmo; 2016. 1056 p.).
9. Ostrom E. Governing the commons: The evolution of institutions for collective action. Cambridge: Cambridge University Press; 1990. 298 p. (Russ. ed.: Ostrom E. Upravlyaya obshchim. Evolyutsiya institutov kollektivnoi deyatel'nosti. Moscow: Mysl'; 2011. 448 p.).
10. Zaikov A.V. The construction of property in Roman law and the problem of property splitting. *Vestnik Gumanitarnogo universiteta. Seriya: Pravo*. 2000;(1):33–42. (In Russ.).
11. Parygin S.N. Development of civil institution of property right protection. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Pravo = Herald of Omsk University. Series: Law*. 2014;(1):87–91. (In Russ.).
12. Acemoglu D., Johnson S.H. Unbundling institutions. *Journal of Political Economy*. 2005;113(5):949–995. URL: https://www.ioea.eu/pdf/textes_2007/Acemoglu_Johnson_2005.pdf
13. Acemoglu D. Why not a political Coase theorem? Social conflict, commitment, and politics. *Journal of Comparative Economics*. 2003;31(4):620–652. DOI: 10.1016/j.jce.2003.09.003
14. Can R. Book review: Why nations fail by Daron Acemoglu and James A. Robinson. *Central Bank Review*. 2013;13(1):83–88. URL: https://www.researchgate.net/publication/341111131_WHY_NATIONS_FAIL_BY_DARON_ACEMOGLU_AND_JAMES_A_ROBINSON
15. Simon H.A. Rationality as process and as product of thought. *American Economic Review*. 1978;68(2):1–16. URL: [https://josephmahoney.web.illinois.edu/BA504_Fall%202008/Session%208/Simon%20\(1978\).pdf](https://josephmahoney.web.illinois.edu/BA504_Fall%202008/Session%208/Simon%20(1978).pdf) (In Russ.: Simon H.A. Ratsional'nost' kak protsess i produkt myshleniya. *THESIS*. 1993;(3):16–38. URL: https://igiti.hse.ru/data/003/314/1234/3_1_2Simon.pdf).
16. Acemoglu D. It's good jobs, stupid. Economists for Inclusive Prosperity. June 2019. URL: <https://econfp.org/wp-content/uploads/2019/06/Its-Good-Jobs-Stupid.pdf>
17. Nureyev R.M. Power-ownership in modern Russia. In: Actual issues and trends in economic science. Proc. 2nd German-Russian seminar (Frankfurt an der Oder, 2010). URL: <http://rustem-nureev.ru/wp-content/uploads/2011/01/233.pdf> (In Russ.).
18. Volchik V.V. Behavioral economics and contemporary tendencies in evolution of property institution. *Terra Economicus*. 2010;8(2):71–78. (In Russ.).
19. Mokyr J. Intellectual property rights, the Industrial Revolution, and the beginnings of modern economic growth. *American Economic Review*. 2009;99(2):349–355. DOI: 10.1257/aer.99.2.349
20. Kapelyushnikov R.I. Contra paninstitutionalism. Preprint WP3/2019/03. Moscow: HSE Publ.; 2019. 84 p. URL: https://wp.hse.ru/data/2019/04/22/1178838994/WP3_2019_03_.pdf (In Russ.).
21. Shumyankova N.V. Institutional form of processes involving the results of scientific-and-engineering activities in the economic turnover. *Innovatsii = Innovations*. 2011;(7):77–81. (In Russ.).
22. Komkov N.I., Ivashchenko N.P. Institutional problems of introducing innovations. *Studies on Russian Economic Development*. 2009;20(5):472–481. DOI: 10.1134/S 1075700709050025 (In Russ.: *Problemy prognozirovaniya* 2009;(5):21–34.).

23. Valieva O.V. Institutional environment of innovation: Theoretical and practical aspects. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Sotsial'no-ekonomicheskie nauki* = *Vestnik NSU. Series: Social and Economic Sciences*. 2007;7(2):134–143. (In Russ.).
24. Collier P. Why nations fail by Daron Acemoglu and James Robinson — review. *The Guardian*. 2012. URL: <https://www.theguardian.com/books/2012/mar/11/why-nations-fail-acemoglu-robinson-review>
25. Acemoglu D., Johnson S. *Power and progress: Our thousand-year struggle over technology and prosperity*. New York, NY: PublicAffairs; 2023. 560 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Юрий Петрович Воронов — кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Института экономики и организации промышленного производства, Сибирское отделение Российской академии наук, Новосибирск, Российская Федерация

Yuri P. Voronov — Cand. Sci. (Econ.), leading researcher at the Institute of Economics and Industrial Engineering, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation

<https://orcid.org/0000-0002-7835-5827>

yura.voronov.42@mail.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 27.12.2024; после рецензирования 15.01.2025; принята к публикации 10.03.2025.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article was received on 27.12.2024; revised on 15.01.2025 and accepted for publication on 10.03.2025.

The author read and approved the final version of the manuscript.